

Культура, -1991. -26 окт. -С.9

Нет, это не панегирик

А может быть, я уже велю своей памяти слышать голос Дмитрия Николаевича Журавлева: «Какие ж сны тебе, Россия, какие бури суждений...»

Нынче, 24 октября, Дмитрию Николаевичу исполнилось бы 90 лет. И буря на Россию пала уже не во сне. А может, и хорошо, что он не видит ее. Но, Боже мой, как сегодня России не хватает таких людей, как Дмитрий Николаевич Журавлев!

Не к круглой дате говорю, для меня Дмитрий Николаевич олицетворял мечту о русском человеке. Он был благороден, красив, талантлив. Вот бы нам!

Ах, новоявленные господа, вы же словом «благородство» еще недавно иронично бранились — «из благородных!» А посмотрите, какими мы стали некрасивыми, согбенными под ударами нашей горькой всенародной судьбы. А что касается таланта... Какую проблему ни тронь, она всегда в конечном счете упирается в противостояние одаренных и не одаренных. Это так. Более глубокой причины для бед в человеческом сообществе не найти.

Как щедро Дмитрий Николаевич был переполнен прекрасными человеческими качества-

ми! И мы имели счастливую возможность хоть немного брать с него пример.

А он в ответ любил нас. И плохих, и хороших. Но величайшим наслаждением для него был талантливый человек. Как-то я присутствовал при его встрече с Давидом Самойловым. Дмитрий Николаевич шел к поэту, еще издали, словно в мольбе, протягивая руки. Лицо его сияло, глаза его были увлажнены счастьем. И все его движения были таковы, что мне показалось — он сейчас опустится на колени. Не напишите это старомодной восторженности. Он действительно был неистов в своем восторге перед человеком. Правда, человеку, со своей стороны, надо было дать ему на то причину.

Дмитрий Николаевич всю жизнь боготворил свою несравненную Валентину Павловну. Она была его царицей, его царством. Но у нее были основания для «ревности». Вы не представляете, как его обожали именно мужчины. Они восхищались им. В нем было столько рыцарской воли, столько неподдельной галантности, столько строгого смирения пред женской красотой. Благо, и сам был красив красотой мужской.

Мне приходилось беседо-

вать уже с седовласыми корифеями сцены, некогда учениками Дмитрия Николаевича. И они, словно сговорившись, как-то растерялись глазами, как-то ошеломленно разводили руками и с придыханием восклицали: «О Дмитрий Николаевич!» И был в этом восклицании некий восторг подростка. То ли я их возвращал обратно в юность. То ли до седин они сохранили, как путеводную для себя звезду, образ прекрасного Человека и мудрого Учителя.

Вот ведь, Россия, какой у тебя был сын, какого верного человека ты потеряла.

Нет, это не панегирик. Все так и было.

Эдуард ГРАФОВ.